

ПЛАСТИНЧАТЫЕ КРЕСАЛА ПРЯМОУГОЛЬНОЙ ФОРМЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Проблема появления и распространения на территории Сибири различных типов огневых приборов из качественного металла изучена пока еще недостаточно, а в некоторых случаях при публикации археологических материалов остается без должного внимания исследователей. Детальной проработки требует вопрос о преимуществах наиболее эффективных форм кресал. В статье представлен анализ и обобщение материалов, связанных с находками в погребальных памятниках Южной Сибири пластинчатых кресал, и их типология, выдвигаются предположения по их функциональному использованию и обсуждается гипотеза о неустойчивости переходных форм.

Ключевые слова: огневые приборы, Средний Енисей, Сибирь, средневековье, археологические памятники, могильники, кыргызы.

В классификационных построениях предметных комплексов огневые приборы причисляются к бытовым вещам, предназначенным для физического обеспечения человеческой жизнедеятельности [Арутюнов, 1989. С. 204]. Логика их появления и распространения основана на всеобщем законе, управляющем развитием индустриальных и технологических явлений: все новое зарождается в недрах старого; наиболее эффективные изделия быстро осваиваются и, интегрируясь в системе культурных взаимодействий, получают широкое распространение. При этом, как и любое другое фундаментальное открытие, приборы для получения огня относятся к общекультурным явлениям, в рамках которых индивидуальные и уникальные признаки сглаживаются, приобретая стандартные черты.

Ускорению процесса распространения более совершенных в техническом отношении средневековых огневых приборов способствовал целый ряд факторов, среди которых следует выделить открытие доступных способов получения сплава железа и углерода. На его основе были разработаны технологически простые, но эффективные и долговременные изделия, превосходящие по скорости исполнительских действий каменные и деревянные аналоги. Оптимальное соотношение качества и цены на кресала

определило их устойчивый потребительский спрос, который удовлетворялся ремесленным производством, поставляющим однородные по материалу, но различающиеся в деталях изделия. С появлением кресал деревянные огневые приборы на большей части Евразии стали использоваться преимущественно в ритуально-обрядовой сфере. У народов таежных районов Сибири и оленеводов Крайнего Северо-Востока они продолжали бытовать вплоть до этнографического времени, что, возможно, было связано не только с дефицитом высококачественного металла, но и с глубоко укоренившимися традиционными представлениями о продуктивной функции огневых приборов, обеспечивающих стабильность хозяйственной деятельности [Хаховская, 2008. С. 153–154].

Первая развернутая отечественная классификация кресал, основанная на материалах новгородских древностей, принадлежит Б. А. Колчину [1953. С. 165–166; 1959. С. 98–102; 1982. С. 161]. Над типологией и хронологией кресал из позднекаменнокаменных погребений Восточной Европы работали С. А. Плетнева [1958. С. 159, 169] и Г. А. Федоров-Давыдов [1966. С. 84]. Методические принципы классификации, разработанные в 50–60-х гг., нашли широкое применение у специалистов, в том числе и при анализе материалов, происходящих с дру-

гих территорий, включая Сибирь и Дальний Восток [Медведев, 1977. С. 133–134; Молодин, 1979. С. 86–87; Ходзевич, Шавкунов, 1990. С. 109–121; Могильников, 1991. С. 78].

Наряду с этим анализ кресал зачастую носит общий и поверхностный характер в основном в связи с публикациями материалов различных памятников. В литературе отмечалось, что в ряде работ последних лет при типологизации кресал встречаются неточности, а в некоторых случаях они вообще остаются без должного внимания исследователей. Исключение составляют, пожалуй, лишь кресала с бронзовыми рукоятями, изобразительные сюжеты на которых позволяют изучать художественные и мифологические аспекты этой интереснейшей категории бытового инвентаря [Голубева, 1964. С. 115–132; Голубева, Варенов, 1993. С. 94–109; Корзухина, 1977. С. 156–161; Крыласова, 2004. С. 312–320; Крыласова, 2007. С. 144–148]. При работе с другими типами кресал многие авторы, как отечественные, так и зарубежные, предпочитают не придерживаться какой-либо типологии и не употребляют устоявшуюся, общепринятую терминологию. По мнению Т. М. Потемкиной и А. В. Евглевского, археологическая литература изобилует публикациями, в которых не даются типологические характеристики кресал либо приведены названия, несоответствующие их действительным геометрическим формам, что породило массу неудачных, а порой просто неверных терминов. Проведя своеобразную «ревизию» основных классификаций средневековых огневых приборов, Т. М. Потемкина и А. В. Евглевский предложили при разработке позднекочевнических одно и двулезвийных кресал учитывать два наиболее устойчивых признака: число рабочих сторон и общую форму изделия [Евглевский, Потемкина, 2000. С. 182–183].

Соглашаясь в целом с методическим принципом, предложенным Т. М. Потемкиной и А. В. Евглевским, все же отметим, что при более широком этнокультурном подходе только лишь двух вышеупомянутых признаков не всегда достаточно для развернутой классификации. Даже функционально однородные предметы структурно могут быть слабо связаны или вовсе иметь различную структуру, а ведущие элементы по своим параметрам отличаться настолько существенно, что их однозначное упорядо-

чивание просто невозможно. С этим связаны трудности разработки общей классификации металлических кресал, имеющих как простые, так и относительно сложные геометрические формы.

Также, на наш взгляд, в отношении таких структурно простых кресал, как, например, скобковидные, должны учитываться не только рабочая сторона и общая форма, но и другие конструктивные элементы. В частности, Э. В. Шавкунов и Л. П. Ходзевич помимо особенностей ударной части выделяют способ соединения держателя с лезвием, что делает основным типобразующим признаком кресал форму лезвия и форму держателя, по которым определяется их тип [Ходзевич, Шавкунов, 1990. С. 109].

Для приольхонских кресал А. В. Харинский также выделяет рабочую и несущую части и дополнительные конструктивные элементы [Харинский, 2001. С. 121, рис. 62, 1]. На основе предложенного А. В. Харинским классификационного принципа были проанализированы находки скобковидных кресал из погребений басандайской культуры [Савинов и др., 2006. С. 131–132]. Деревянные держатели скобковидных кресал впервые были зафиксированы в памятниках Западной и Южной Сибири. Представление об их устройстве дают находки, обнаруженные в погребениях, совершенных по обряду трупоположения на Басандайском могильнике в Томском Приобье и на могильнике Часовенная гора (могила 2) в районе Красноярска [Басандайка, 1948. Табл. 26, 47, 87; Гаврилова, 1965. Рис. 13, 8]. Значение необходимости реконструкции несущей части (держателя) становится понятным на примере бохайского скобковидного кресала, вмонтированного в рукоять, вырезанную из рога крупного животного. Именно на рукоять, оформленную в виде дракона, приходится основная семантическая нагрузка этого ритуального огневого прибора [Шавкунов, 1999. С. 73–74].

Также при выделении двулезвийных кресал необходимо учитывать то, что они могли составлять единый комплект с кожаной сумочкой, и в этом случае в качестве ударного использовалось только одно лезвие. При охвате верхней дужки широким лоскутом кожи, который прошивался по краям и у основания сумочки, двулезвийные кресала функционально не отличались от однолезвийных [Snoy, 1965].

В целом же можно согласиться с мнением Т. М. Потемкиной и А. В. Евглевского, отметивших, что отсутствие специального обобщающего труда, посвященного появлению, распространению и бытованию различных типов кресал, является значительным пробелом в изучении не только материальной, но и духовной культуры древнего населения [Евглавский, Потемкина, 2000. С. 182]. Очевидно, что подобная работа связана с обзором археологического материала в широких территориальных и хронологических рамках, в связи с чем особую актуальность приобретает анализ кресал, обнаруженных в памятниках различных регионов.

Данная статья посвящена описанию и классификации пластинчатых кресал прямоугольной формы, обнаруженных в погребальных памятниках юга Красноярского края, Хакасии, Тывы и Приангарья (рис. 1). Предваряя описание находок, необходимо отметить, что определение «пластинчатые кресала прямоугольной формы» предполагает их отличие от хорошо известных в Восточной Европе пластинчатых кресал, которые считаются одной из древнейших форм

железных огнив. В научной литературе под восточноевропейскими пластинчатыми кресалами понимаются стальные изделия в виде вытянутой кованой полосы с чуть расширенным нижним краем и верхним концом, суженным и загнутым в виде петли. Они датируются II–V вв. н. э. и, предположительно, исходной формой для них служили прямоугольные или округлые пластины из качественного железа или стали [Голубева, 1965 С. 257; Kokovski, 1985].

Анализ кресал сложных форм (прежде всего фигурных) требует применения метода конструктивной морфологии, который разрабатывается в современном вещеведении [Шапова, 2000. С. 68–69]. Определение формы кресал из средневековых памятников Южной Сибири как прямоугольной дается по внешнему контуру предметов и носит рабочий характер, связанный с применением типологического метода. Вне типологического ряда и на уровне субъективного зрительного восприятия определение формы каждого отдельного экземпляра может заметно отличаться, что представляет собой именно тот случай, о котором упоминается в работе Т. М. Потемкиной и А. В. Евглев-

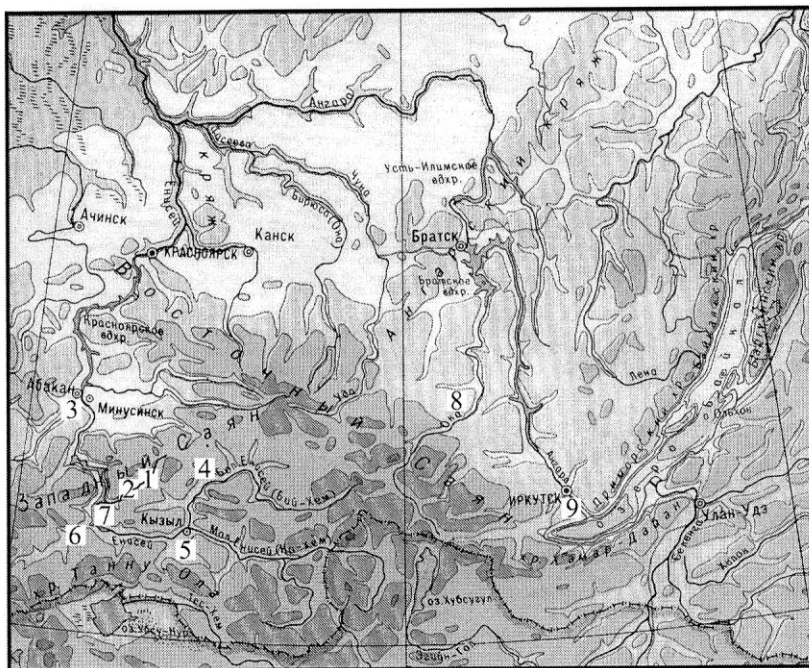

Рис. 1. Карта находок пластинчатых кресал прямоугольной формы: 1 – могильник Мутная I; 2 – могильник Айдиктык-кыр; 3 – Хакасский национальный краеведческий музей; 4 – Пий-Хем; 5 – Чинге; 6 – могильник Тора-Тал-Арты; 7 – могильник Айлиг-Хем III; 8 – Материк; 9 – Межовка

ского: неопределенность геометрической формы изделия не позволяет однозначно дать ее точное формализованное название. Возможно, данное обстоятельство стало причиной того, что в отношении находки из погребения могильника Тора-Тал-Арты И. Л. Кызласов просто отметил: у древних хакасов были кресала-накладки и «формы конструктивно не связанные с сумкой» [1983. С. 41]. В другом случае металлическое кресало из кургана 1 могильника Эйлиг-Хем III было охарактеризовано как «несколько необычной формы» [Грач и др., 1998. С. 37].

Практически у всех рассматриваемых экземпляров кресал наблюдается легкая выпуклость сторон (включая ударную часть), асимметрия и, в большей или меньшей степени, округленные углы. Пожалуй, лишь у одного из кресал из приангарской серии форма наиболее близка к прямоугольной (см. рис. 1, 7). В отношении остальных изделий мы можем лишь предполагать, что древние кузнецы при их изготовлении ориентировались на абстрактно-прямоугольную форму. В настоящее время в памятниках Южной Сибири известно 12 пластинчатых кресал, имеющих «условно» прямоугольную форму. Возможно, немногочисленность этих находок связана с простотой данной формы, затрудняющей выделение подобных кресал среди многочисленных фрагментов прямоугольных или округленных пластин из захоронений с плохой сохранностью железного инвентаря.

В памятниках Приангарья обнаружено два кресала. Одно из них в погребении Межовка, расположенном на левом берегу Иркутского водохранилища в пригородной зоне Иркутска. Среди остатков вооружения, снаряжения верхового коня и предметов бытового назначения была найдена массивная, узкая пластина правильной прямоугольной формы. Размеры: $6,5 \times 3$ см (рис. 2, 7). По мнению авторов публикации, она могла использоваться в качестве кресала [Николаев и др., 2002. С. 85–86, рис. 4, 10].

Второе кресало прямоугольной формы найдено в погребении 2, выявленном в полосе размыва берега р. Ока, впадающей в Братское водохранилище (местонахождение «Материк»). Железная пластина прямоугольной формы имеет размеры $5 \times 2,7$ см, углы закруглены (см. рис. 2, 8). Она также

могла использоваться в качестве кресала [Там же. С. 87, рис. 7, 6].

На территории Тывы обнаружено 6 экземпляров кресал прямоугольной формы, из них три в погребениях могильника Тора-Тал-Арты, исследованного Л. Г. Нечаевой, одно из могильника Эйлиг-Хем III и два из раскопок А. В. Адрианова начала XX в. В публикациях материалов этих памятников содержатся лишь краткие описания интересных нас изделий.

В могильной яме кургана СХ-59-4 могильника Тора-Тал-Арты, полностью заполненной сожжением, углями и костями погребенных, были найдены три меча, пара стремлян, обломки удила, псалий, нож, наконечники, бронзовые пряжки и кресало. Как отметила Л. Г. Нечаева, «примитивное, в виде простой кованной подпрямоугольной пластины» [Нечаева, 1966. С. 109, 119, рис. 7, 2]. Размеры кресала 8×4 см, один из углов значительно закруглен (см. рис. 2, 10).

В захоронении кургана СХ-59-17 на том же памятнике также обнаружен согнутый вдвое однолезвийный меч (палаш), вместе с ним наконечники стрел и кресало, аналогичное находке из кургана СХ-59-4 [Там же. С. 134].

В погребении кургана СХ-59-19 этого же могильника железное «хорошо прокованное» кресало обнаружено вместе с многочисленным инвентарем [Там же. С. 137, рис. 24, 7]. Его размеры $6,5 \times 3,3$ см (см. рис. 2, 9). По мнению Л. Г. Нечаевой, кресало имеет трапециевидную форму и фигурный верх, но в то же время у данного изделия прослеживается асимметрия коротких сторон, что, на наш взгляд, делает предложенное определение формы весьма условным и позволяет рассматривать его в одном ряду с прямоугольными пластинчатыми кресалами.

В кургане 30 на Пий-Хеме, содержащем два погребения по обряду трупосожжения с наконечниками стрел, удилами и бронзовыми орнаментированными накладками, находились железная накладка на сумочку и «пластинка-огниво», входившая в набор [Кызласов Л. Р., 1983. С. 160–161, рис. 9, 1, 4]. Данное кресало прямоугольной формы, клиновидное в сечении, с выпуклым верхним краем, его размеры $5,5 \times 4$ см (рис. 2, 5).

На памятнике Чинге в кургане 20 среди кальцинированных костей захоронения была найдена «плоская железная пластинка

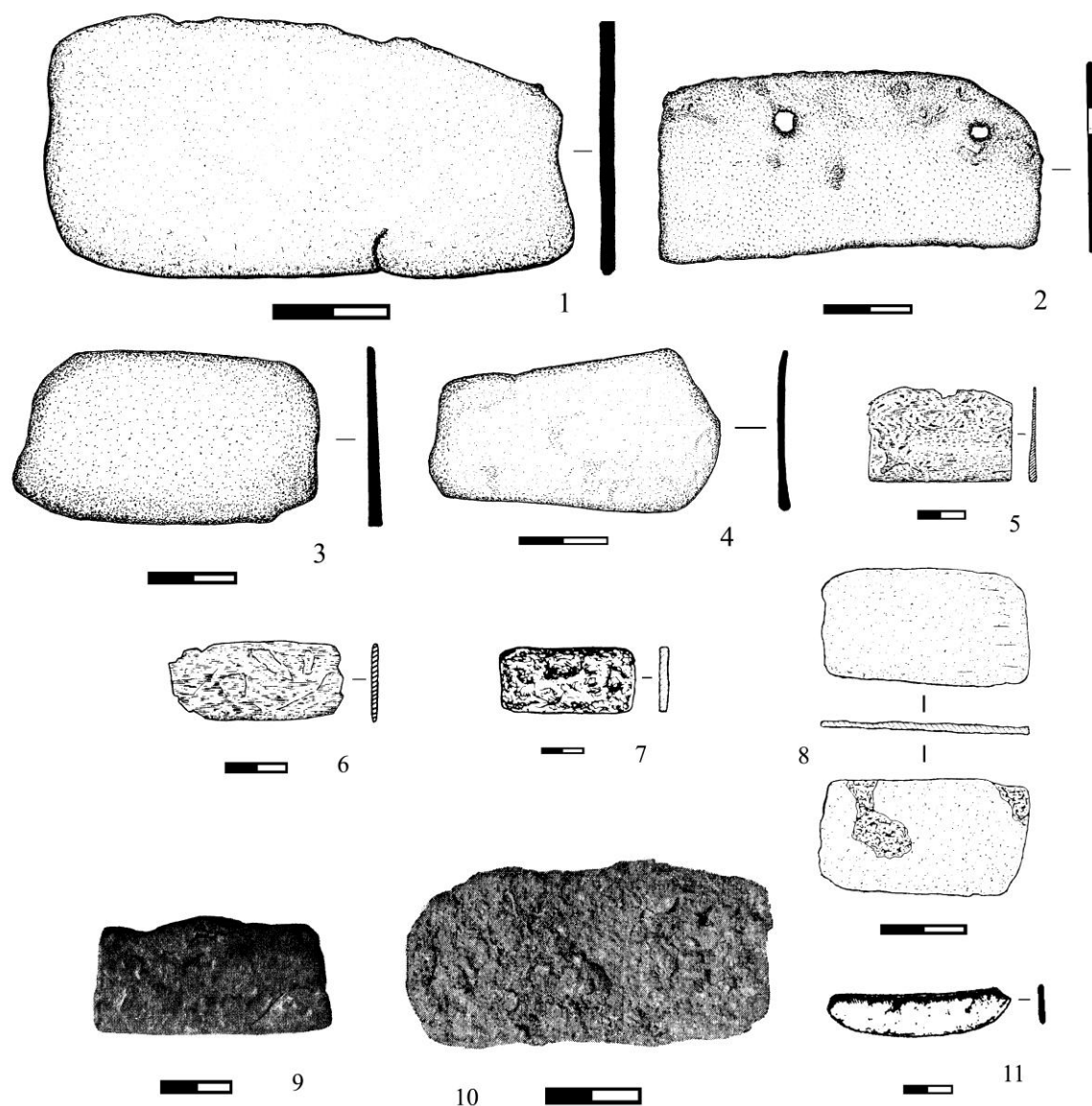

Рис. 2. Пластинчатые кресала прямоугольной формы из археологических памятников Южной Сибири:

1 – могильник Мутная I, курган 6; 2 – могильник Эйдиктыр-кыр, курган 4; 3 – могильник Эйдиктык-кыр, курган 30; 4 – Хакасский национальный краеведческий музей (без инв. номера); 5 – Пий-Хем, курган 30 (по: [Кызласов Л. Р., 1983]); 6 – Чинге, курган 20 (по: [Кызласов Л. Р., 1983]); 7 – погребение Межовка (по: [Николаев и др., 2002]); 8 – Материк, погребение 2 (по: [Николаев и др., 2002]); 9 – могильник Тора-Тал-Арты, курган СХ-59-19 (по: [Нечаева, 1966]); 10 – могильник Тора-Тал-Арты, курган СХ-59-4 (по: [Нечаева, 1966]); 11 – могильника Эйлиг-Хем III, курган 1 (по: [Грач и др., 1998])

с выбоинками на ребре». По предположению Л. Р. Кызласова это кресало [Там же. С. 157, рис. 1, 2]. Размеры изделия $5,7 \times 2,5$ см (см. рис. 2, 6).

Железное огниво «несколько необычной формы» было обнаружено в кыргызском кургане 1 могильника Эйлиг-Хем III (см. рис. 2, 11). По мнению авторов публикации,

точных аналогий данная находка не имеет [Грач и др., 1998. С. 37, рис. XVIII, 31].

В Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова хранится металлическая пластина, у которой в поперечном сечении наблюдается небольшой прогиб, а на конце одной из широких сторон утолщение (см. рис. 2, 4). Место находки

неизвестно, в фондах хранения музея она атрибутирована как панцирная пластина (инвентарный номер отсутствует). Максимальные размеры $6,5 \times 3$ см. На наш взгляд, эту пластину можно отнести к однолезвийным кресалам, форму которого лишь с большой натяжкой можно отнести к прямоугольной.

Три кресала были обнаружены на юге Красноярского края в погребениях могильников Мутная I и Эйдиктык-кыр в Усинской долине. [Митько, 1992. С. 52–54]. Кресала грубо откованы, без следов дополнительной отделки и проработки абразивными инструментами.

На могильнике Мутная I в захоронении кургана 6 вместе с многочисленным железным инвентарем была зафиксирована массивная металлическая пластина подпрямоугольной формы с закругленными углами, одна из длинных сторон скошена (см. рис. 2, 1). Ее максимальные размеры $8,5 \times 4,5$ см, толщина до 0,33 см, причем толщина однородна по всей площади пластины.

В погребении кургана 30 могильника Эйдиктык-кыр также было найдено большое количество остатков погребального инвентаря, среди которого выделена металлическая пластина клиновидной в разрезе формы. Углы закруглены, одна из малых сторон скошена, размеры изделия $6,5 \times 4$ см (см. рис. 2, 3).

Еще одна находка кресала также зафиксирована на могильнике Эйдиктык-кыр, в кургане 4, содержавшем погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне. Одна из ее длинных сторон закруглена, вдоль ее расположено два отверстия округлой формы с неровными краями. Размеры кресала $8,5 \times 4$ см (см. рис. 2, 2).

Предметные комплексы, с которыми связаны находки кресал, относятся к рубежу I–II тыс. н. э. Курганы могильника Тора-Тал-Арты датированы Л. Г. Нечаевой IX–X вв. [Нечаева, 1966. С. 139]. В этом же хронологическом отрезке были возведены памятники на Пий-Хеме и Чинге [Кызласов Л. Р., 1983. С. 153]. Бытование могильников Мутная I и Эйдиктык-кыр на р. Ус укладывается во временные рамки X – начала XI в. Авторы публикации уникального средневекового памятника Эйлиг-Хэм III сочли возможным отнести его сооружение к периоду с 975 г. по 1025 г. н. э. [Грач и др., 1998. С. 44, 59]. В ангарской долине погребения с крем-

ниями появляются в VIII–X вв. [Николаев и др., 2002. С. 89].

Все 12 экземпляров кресал происходят из погребений, совершенных по обряду трупосожжения, либо относятся к подъемному материалу, также имеющему характерные признаки термического воздействия. Находки из Тывы однозначно соотносятся с тютятской культурой (она же культура енисейских кыргызов). Ангарская серия связывается с экспансией в Предбайкалье енисейских кыргызов или подвластных им племен, что, однако, не исключает их возможную принадлежность к другим этнокультурным образованиям, практиковавшим в этот период обряд трупосожжения [Там же]. В этой связи стоит упомянуть об отдельных деталях погребального обряда, отражающих традиции местного населения южного Приангарья и Красноярской лесостепи [Скобелев, Митько, 2007. С. 219–220].

С началом тюркского времени на территории Южной Сибири и Центральной Азии получение огня сверлением деревянными огневыми приборами и высеканием с помощью металлических кресал находят применение в равной степени [Митько, 2006. С. 110–122]. Рассмотренные пластинчатые кресала прямоугольной формы синхронны фигурным кресалам с пряжками для фиксации на подвесном ремешке. Тюрки Горного Алтая, Тывы, Монголии и Тянь-Шаня носили огневые приборы в сумочках с пришитыми или вложенными в них кресалами, подвешенными к поясу с правой стороны. Об этой характерной черте древнетюркского костюма свидетельствуют изображения на более чем 50 каменных изваяниях с территории Горного Алтая, проанализированных В. Д. Кубаревым [1984. С. 43, рис. 9]. По форме и особенностям оформления фигурных лопастей выделяется два основных типа кресал горноалтайских тюрков: с фигурными лопастями и в виде массивной пластины, имеющей квадратные очертания и отверстия для подвешивания и крепления кожаной части сумочки [Кубарев, 2005. С. 56, рис. 15, 1, 4, 5, 16]. Эти же два типа можно выделить в коллекции железных кресал и металлических обкладок к ним, хранящейся в Минусинском музее им. Н. М. Мартыанова [Сунчугашев, 1979. Табл. XII, XIII]. Помимо случайных находок из Минусинского музея кремни и ударные части огнива, служившие дном сумочки для кремня и трута, встреча-

ются в среднеенисейских древнетюркских погребальных памятниках [Худяков, 2004. Рис. 87].

Появление мешочков-огнив на Среднем Енисее можно связать с таштыкской культурой, на ее завершающем камешковском этапе (IV–V вв. н. э.). В могиле 4 Изыхского чаатаса были обнаружены остатки железной ударной части огнива, прямоугольная железная пряжка с тремя подвижными язычками и кремь вместе с истлевшими остатками трута [Кызласов, 1960. С. 156, табл. IV, 192]. Эти предметы были однозначно интерпретированы как мешочек из ткани или кожи с пришитым снизу огнивом и вложенными в него трутом и кремнем. К сожалению, всесторонний анализ этой редкой находки, включающий ее сравнение с древнетюркскими образцам кресал, не проводился.

В IX–X вв. кресала енисейских кыргызов, переселившихся на территорию Тывы, были близки к общетюркским образцам. Возможно, огниво, обнаруженное вместе с наконечниками стрел, уделами и стремянами в тайнике кургана 19 на кыргызском могильнике Шанчиг, как и у древних тюрков, нашивалось на сумочку [Кызласов, 1969. С. 104, рис. 34, 7]. В кургане 30 IX–X вв. на Пий-Хеме также была обнаружена железная накладка на сумочку и кресало, составлявшие единый набор. В верхней части накладки прослеживаются два отверстия, возможно, следы от крепления бронзовой пряжки [Кызласов Л. Р., 1983. С. 160–161, рис. 9, 1, 4].

Данная находка указывает на способ ношения пластинчатых кресал, который можно охарактеризовать как древнетюркский. В соответствии с особенностями костюма сумочка с пиротехническим комплектом подвешивалась к поясу и украшалась накладкой, выполненной в виде псевдокресала.

При классификации кресал за основу взята типологическая схема, предложенная Э. В. Шавкуновым и Л. П. Ходзевич [Ходзевич, Шавкунов, 1990. С. 109]. Все рассмотренные изделия относятся к одному типу пластинчатых кресал прямоугольной формы. Данный тип входит в категорию однолезвийных, а по способу соединения ударного лезвия с держателем подразделяются на два отдела: А – цельнометаллические, держатель составляет единое целое с лезвием; Б – составные, с держателями, крепившимися к лезвию с помощью различных

приспособлений. Форма лезвия служит основанием для выделения отдельных вариантов. Согласно данной схеме кресала, входящие в отдел А, представлены двумя вариантами.

Вариант 1. Ударное лезвие прямое – 10 экз. (могильник Мутная I, курган 6; могильник Эйдиктык-кыр, курган 30; Хакасский Национальный краеведческий музей; Пий-Хем, курган 30; Чинге, курган 20; погребение Межовка; Материк, погребение 2; могильник Тора-Тал-Арты) (см. рис. 2, 1, 3–10).

Вариант 2. Ударное лезвие дугообразное – 1 экз. (могильника Эйлиг-Хем III, курган 1) (см. рис. 2, 11).

Отдел Б представлен одним вариантом. Ударное лезвие прямое – 1 экз. (могильник Эйдиктык-кыр, курган 4) (см. рис. 2, 2). Отверстия вдоль одной из длинных сторон служили для крепления деревянного держателя. Необходимо отметить, что длина данного пластинчатого кресала составляет 8,5 см. Это позволяет удобно удерживать его в руке и без деревянной ручки, в то время как пластинами меньших размеров кресать возможно, но затруднительно. Очевидно, длина пластины в 5,5 см является предельной минимальной величиной, кресалом с меньшими размерами добывать огонь крайне неудобно, и в отношении их можно предположить, что они монтировались в паз деревянной рукояти.

Предложенная типология построена на незначительной в количественном отношении выборке, и в будущем новые находки могут привести к ее уточнению. Время бытования пластинчатых кресал прямоугольной формы непродолжительно. На рубеже I–II тыс. шел поиск оптимальных форм изделий, сопровождавшийся конкуренцией различных типов. Практически одновременно с пластинчатыми кресалами прямоугольной формы на территории всей Сибири и Дальнего Востока получают распространение однолезвийные скобковидные кресала. Они однотипны и различаются лишь своими размерами, включая и миниатюрные изделия, известные по материалам Змеинкинского и Калмакского могильников X–XIII вв. в Среднем Причумылье [Беликова, 1996. С. 68, рис. 35, 7; 49, 3; 60, 12; 70, 15]. Скобковидная форма кресал и тенденция к их миниатюризации свидетельствует об экономии металла, при котором сниже-

ние веса изделия, влиявшее на эффективность высекания огня, компенсировалось за счет деревянной рукоятки.

На Среднем Енисее скобковидные кресала появляются в аскизской культуре, и, по мнению И. Л. Кызласова, они не связаны с местной традицией развития огнив [1983. С. 41, табл. XXIII, 3–5]. В конце X – XI в. наряду с другими типами скобкообразных огнива были характерны для культуры амурских чжурчженей, в ее рамках они относятся к первому, наиболее массовому виду огнив, бытовавших у них. Для удобства использования скобы также крепились на деревянный держатель, служивший рукояткой [Медведев, 1977. С. 133, табл. XXXVIII, 1–14].

В. А. Могильников считал, что кресала скобкообразного типа встречаются в степном Алтае уже в средневековых памятниках IX–X вв. Как и в древнетюркских погребениях, кресала зафиксированы в основном в мужских захоронениях кимаков [Могильников, 2002. С. 48, 60, рис. 142, 8, 217, 19]. При этом в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, отнесенных В. А. Могильниковым к кыргызским, огневые приборы отсутствуют.

В Прибайкалье обнаружено самое раннее на территории Сибири железное кресало из погребения Куркутского комплекса, датированного И. В. Асеевым началом I тыс. н. э. [Асеев, 1980. С. 128–129, табл. XII, 10, 12]. Оно имеет дугообразную форму и небольшие утолщения на концах. В VIII в. на территории Приольхонья фиксируются полосчатые треугольные кресала (Курма II-1), которые по данным А. В. Харинского, использовались до середины II тыс. н. э. (Курма II-2) [Харинский, 2001. С. 123]. Они послужили прототипами язычковых треугольных кресал и с ангарскими кресалами прямоугольной формы конструктивно не связаны.

Таким образом, на территории Южной Сибири пластинчатые кресала прямоугольной формы существовали на относительно небольшом хронологическом отрезке и связаны с культурой енисейских кыргызов. В то же время необходимо отметить, что при изготовлении широко распространенных в Скандинавии, Предуралье и Низовьях Оби биметаллических кресал в качестве ударной части использовались стальные пластины прямоугольной формы. Они по-

мещались в форму для отливки рукоятки, и отливка совершалась «поверх» стали. По данным Н. Б. Крыласовой, в ходе этой операции значительная часть углерода из стали выгорала, в результате кресало становилось непригодным для практического использования. Практическая функциональность отодвигалась на задний план, а основной становилась функция предмета как амулета [Крыласова, 2006. С. 144].

В Пермском Предуралье наряду с биметаллическими кресалами получили распространение и пластины прямоугольной формы без держателей. Именно они обнаруживают наиболее близкие аналогии южносибирским образцам. В погребениях Плесинского и Важгортского могильников было найдено 13 стальных пластин прямоугольной формы. В погребении 13 Важгортского могильника стальная пластина прямоугольной формы найдена вместе с четырьмя кресальными кремнями и трубицей для трута. На Плесинском могильнике в погребении 28 прямоугольная стальная пластина обнаружена вместе с кресалом другого типа. Н. Б. Крыласова отнесла кресала прямоугольной формы к группе А1.4 – однолезвийные пластинчатые, тип А1.4.1. По ее мнению, их вероятная дата приходится на конец VII – IX в., но, возможно, они сохранялись и в начале X в. [Крыласова, 2006. С. 139–140, рис. 59, 1–7].

Среди средневековых древностей Пермского Предуралья выделяются металлические предметы «аскизского типа», большая часть которых относится к деталям и украшениям конской упряжи. По мнению пермских археологов, они могли быть как предметом торговли купцов Волжской Булгарии, так и непосредственно с берегов Енисея попасть с торговыми караванами или военно-дипломатическими миссиями на Рождественское городище, где, возможно, был расположен «хакасский двор» [Белавин, Крыласова, 2008. С. 481–485, рис. 212, 213]. Ответ на этот вопрос могли бы дать металлографические и химические анализы «аскизских» находок.

Непродолжительность бытования пластинчатых кресал прямоугольной формы в Южной Сибири и Пермском Предуралье может послужить основанием к отнесению данного типа к одной из переходных форм металлических огневых приборов, не получившей в исторической перспективе даль-

нейшего развития. Однако через 500 лет после затухания традиции изготовления прямоугольных кресал пластинчатой формы прослеживаются интересные параллели. Типологически близкие кресала (тип А1.4.2. – 4 экз.), в виде овальных пластин, срезанных по бокам, были обнаружены на территории Предуралья в памятниках, отнесенных к XV – началу XIX в. На Кудымкарском могильнике кресало данного типа найдено в могиле с монетой Ивана IV [Крыласова, 2006. С. 140, рис. 59, 8–11]. Подобные кресала известны и в Западной Сибири, в частности в могильнике Окунево-4, датированном концом XVI – серединой XVII в. [Могильников, 1997. С. 54, рис. 4, 14].

Очевидно, процесс технической эволюции кресал носил не прямолинейный характер. Объективные условия жизни определяли потребности и бытовые стандарты. Простота формы и связанные с ней технологические приемы послужили основой традиции изготовления пластинчатых кресал прямоугольной формы среди разнообразия других типов, с элементами художественного оформления и более рациональных по своим функциональным характеристикам.

Список литературы

- Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. 247 с.
- Асеев И. В.* Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980. 149 с.
- Басандайка:* Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1948. 219 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь, 2008. Вып. 1. 603 с.
- Беликова О. Б.* Среднее Причюлымье в X–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
- Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 143 с.
- Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятками // СА. 1964. № 3. С. 115–132.
- Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. МИА. 1965. № 130. С. 257–260.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б.* Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками // РА. 1993. № 4. С. 94–109.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Элиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998. 84 с.
- Евглавский А. В., Потемкина Т. М.* Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Донецк, 2000. Т. 1. С. 181–209.
- Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. 1953. № 32. 260 с.
- Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. МИА. 1959. № 65. Т. 2. С. 7–120.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
- Корзухина Г. Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 156–161.
- Крыласова Н. Б.* Об интерпретации кресал с сюжетом известным в историографии как «Один и вороны» // РА. 2004. № 4. С. 312–320.
- Крыласова Н. Б.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2006. 352 с.
- Крыласова Н. Б.* К вопросу о семантике биметаллических кресал Восточной Европы // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург, 2007. С. 144–148.
- Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 231 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М., 1983. 128 с.
- Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
- Кызласов Л. Р.* Курганы тухтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // СА. 1983. № 3. С. 153–170.
- Могильников В. А.* Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н. э. // Про-

блемы археологии Евразии. М.: Наука. 1991. С. 57–105.

Могильников В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у д. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1. С. 51–64.

Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X – XI в. Новосибирск, 1977. 224 с.

Митько О. А. Памятники енисейских кыргызов в долине реки Ус // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. С. 52–54.

Митько О. А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 110–127.

Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 182 с.

Нечаева Л. Г. Погребения с сожжением могильника Тора-Тал-Арты // ТТКАЭЭ. М., 1966. Т. 2. С. 108–142.

Николаев В. С., Дзюбас С. А., Белоненко В. В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и исследование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 85–100.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 151–226.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2006. 424 с.

Скобелев С. Г., Митько О. А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под

Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. Археология и этнография. С. 212–220.

Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. М., 1979. 192 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 275 с.

Хаховская Л. Н. Огневые приборы коряков-оленовцов полуострова Тайгонос // Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 150–157.

Ходзевич Л. П., Шавкунов Э. В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990. С. 109–121.

Харинский А. В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск, 2001. 238 с.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.

Шавкунов Э. В. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестник ДВО РАН. 1999. № 2. С. 71–74.

Щапова Ю. Л. Введение в вещеведение: естественно-научный подход к изучению древних вещей. М., 2000. 144 с.

Kokovski A. Die Feuerstahlwerkzeuge der Pszeworskultur // Memoires Archeologiques. Lublin, 1985. S. 109–127.

Snoy P. Nuristan und Munğan // Tribys. Veröffentlichungen des Linden-Museums. Stuttgart, 1965. № 14. S. 102–148.

Материал поступил в редколлегию 06.03.2009

O. A. Mit'ko

LAMELLAR FIRE TOOLS RECTANGULAR FORMS IN ARCHAEOLOGIC OBJECTS OF SOUTHERN SIBERIA

The problem of occurrence and distribution in territory of Siberia of various types fire tools from qualitative metal is investigated for the present not enough, and in some cases at the publication of archaeological materials they remain indifferently researchers. Detailed study is demanded with a question on advantages of the most effective forms fire tools. In the given work the analysis and generalization of the materials connected to finds in funeral monuments of Southern Siberia lamellar fire tools and their typology is submitted, assumptions on their functional use are put forward and the hypothesis about instability of transitive forms is discussed.

Keywords: fire tools, Middle Yenisei, Siberia, the middle ages, archaeological objects, necropolis, Kirgiz.